

Гу Шаобай остановился, очевидно не найдя подходящего.

— Ладно, Цююэ, ступай к Цююнь, попроси одежду у двоюродного брата, мне нужно занять наряд.

— Хорошо, — ответила Цююэ, полная сомнений, решив, что ослышалась.

Гу Шаобай повторил просьбу, и только тогда она поняла, что третий господин действительно хочет, чтобы она одолжила одежду, да ещё у племянника Гу Ябая.

Этот племянник был самой большой головной болью в доме Гу. Он предавался всем порокам: пил, гулял, играл в азартные игры. Единственное, чем он занимался каждый день — это искал приключения. Его одежда была такой же яркой и вызывающей, как и он сам.

— Погоди...

Цююэ обернулась, думая, что Гу Шаобай передумал.

— Нужен самый пёстрый, самый безвкусный, какой только есть...

Лицо Цююэ вытянулось:

— Господин, вы же сами знаете, что это безвкусно...

Она пошла, ворча про себя: неужели вкус господина испортился и он стал любить такие странные вещи, как племянник.

Тем не менее она отправилась в южный двор и вскоре вернулась с одеждой.

Бросив наряд на кровать, Цююэ надула губы и промолчала.

Гу Шаобай поднял одежду и улыбнулся:

— Губки то у тебя такие длинные, что осла привязать можно. Кто тебя обидел?

Цююэ раздражённо ответила:

— Молодой господин Ябай сказал, что вы наконец-то узнали, что такое красота. Мол, ваша одежда пресная, как тофу, и чем раньше её выбросите, тем лучше...

Гу Ябай был полная противоположность своему имени — «Я» означает «изящный». Он стремился к самому яркому и вульгарному, а слуги в доме в шутку звали его «молодым господином Ябаем». Он же думал, что его хвалят, и гордился этим.

Гу Шаобай, услышав это, ничего не ответил и начал натягивать эту пёструю одежду.

Цююэ, не выдержав зрелища, выбежала из комнаты, чтобы пережить своё горе в одиночестве.

Гу Шаобай, одевшись, подошёл к зеркалу и чуть не подумал, что видит призрака.

Это был он? Красный верхний халат с золотой отделкой на воротнике и рукавах, зелёный пояс, а на подоле вышиты серебряные пионы. Яркие красные и зелёные цвета делали его лицо бледным и жалким, как у клоуна на ходулях во время праздника фонарей. Выглядело это невероятно уродливо!

Но именно этот эффект ему и был нужен!

Гу Шаобай шёл по улице, а Минъюэ держался от него шагов на десять, как будто боялся, что кто-то подумает, будто они знакомы. Неудивительно: даже сам Гу Шаобай, выходя из дома, хотел закрыть лицо маской. Минъюэ, вероятно, решил, что господин с ума сошёл.

Стоя у входа в «Фанъюань», он уставился на три больших иероглифа на вывеске, и это казалось словно видением из прошлой жизни. Прошлое стояло перед глазами, а теперь он делал шаг в новую жизнь.

Он долго стоял, глубоко вздохнул. «Фанъюань», с его изысканной резьбой и нефритом, был похож на водоворот. Он знал, что, сделав шаг внутрь, может навсегда погибнуть, но у него не было выбора.

Он думал об этом всю ночь и понял, что не может не прийти. Му Цинфэн уже натянул тетиву, и стрела должна была быть выпущена.

Если эта фигура на шахматной доске не встанет так, как хочет Му Цинфэн, то кто будет следующим? Гу Шаобай боялся даже думать об этом, да и не мог представить.

Лучше сделать так, как он хочет. А уж будет ли эта фигура послушной — зависит не от него!

— О, молодой господин Гу пришёл! — владелец «Фанъюань» Ван Фэнчунь вышел ему навстречу. — Я как раз думал, что вы должны скоро появиться.

Гу Шаобай вежливо поклонился. Ван Фэнчунь был всего лишь коммерсантом, и для этого спектакля Му Цинфэну даже не нужно было действовать — один Чжоу Пин мог организовать всё безупречно.

Ван Фэнчунь приказал подать чай и завёл светскую беседу.

Мысли Гу Шаобая были далеко от чая, он заставлял себя поддерживать разговор, произнося пустые фразы.

После второго чая Ван Фэнчунь пригласил Гу Шаобая в восточный кабинет. В центре комнаты на подставке из сандалового дерева стояла цитра. Гу Шаобай закрыл глаза, надеясь, что, открыв их, увидит, что всё это — иллюзия.

— Молодой господин Гу, вот эта цитра. Вы можете насладиться ею в одиночестве. Помощник уехал в деревню, и мне нужно вернуться в переднюю залу присмотреть за делами...

Гу Шаобай слушал слова Ван Фэнчуна, которые совпадали слово в слово с тем, что было в прошлой жизни, и кивнул, отпуская его.

Хотя он был морально готов, сердце Гу Шаобая всё равно болело, словно вонзали шило, разрывая плоть и душу, превращая сердце в окровавленную рану, которую он должен был показать всем: смотрите, я делаю это добровольно!

Вторая жизнь, время уходит. Его состояние души изменилось до неузнаваемости. Он больше не был тем чистым и прозрачным юношей, который ничего не хотел, кроме как отдать своё искреннее сердце.

В тихой комнате на стенах висели несколько картин с подписями известных мастеров,

призванных оттенять свиток на центральной стене. На нём цуншу было написано две строки стихов:

«Глубоко зная, что пока жив я, любовь жива,

С тоской смотрю на реку, слушая шум её вод».

Почерк был плавным и естественным, но без подписи. В прошлой жизни он не знал, кто автор, но теперь понимал. Сведения, которые собрал Мо Жань, никуда не годились. Кто сказал, что Му Цинфэн не разбирается в искусстве? Этот свиток был доказательством обратного.

Однако через несколько дней этот свиток доставят ему, но уже с печатью и подписью — «Чжоу Фэн».

Под свитком стоял длинный стол из сандалового дерева, и тонкий струйкой дым поднимался из изящной курильницы в форме трёхногого зверя, медленно распространяясь по комнате.

Он вдохнул аромат благовония «Лилия Линлин», сделанного из агарового дерева, белого сандала и более двадцати других редких компонентов. Раньше этот запах был приятен, но теперь вызывал удушье. Казалось, благовоние — это сеть, крепко удерживающая его, из которой он никак не мог вырваться.

Гу Шаобай сжал кулаки в рукавах, ногти впились в ладони, причиняя острую боль. Он медленно подошёл к подставке и остановился перед цитрой Шэньнунши «Вэньу Цисянь».

Прошло немало времени, прежде чем он сел по-турецки за инструментом.

Даже переродившись, эта цитра оставалась любимой вещью его сердца. Он провёл ладонями по деке из дерева у Тонга, пальцы скользнули по пяти иероглифам у колков: «Линжань Си Тагу». На мгновение он едва сдержал слёзы. Эта цитра была не просто инструментом, она была его сердцем.

Он думал, что, сыграв «Горы и воды», наконец нашёл человека, с которым мог бы разделить лунный свет и свежий ветер за бокалом вина. Но всё оказалось иллюзией. Тот человек нарисовал круг, и он без колебаний шагнул внутрь, а затем круг превратился в верёвку, затягивающуюся всё туже...

Дрожащие пальцы Гу Шаобая коснулись струн, и он заиграл мелодию «Чанцин». Звук цитры был чистым и прохладным, переходя от падающего снега к ветру в хрустальном лесу, и завершаясь картиной высокого неба, тёплого солнца и слияния гор и рек в единое целое.

Хлоп, хлоп — аплодисменты разорвали тишину в комнате. Он не хотел поднимать голову, но был вынужден.

Тот человек стоял у входа, прислонившись спиной к весеннему солнцу, и его лицо озаряла невероятно нежная улыбка:

— Отличная мелодия! Прекрасный человек!

В этот момент слёзы Гу Шаобая потекли по щекам без всякого предупреждения, чем напугал Му Цинфэна, только что вошедшего в роль. Тот немного удивился: с этим молодым господином из дома Гу всё в порядке? Я только начал представление, о каких слёзах он плачет?

Лишь когда слеза ударила о тыльную сторону ладони, словно отголосок удара сердца, Гу Шаобай резко очнулся. Он вытер лицо рукавом и показал чистую, но с дерзкой ноткой улыбку:

— Извините, солнце слепит глаза. Насмешил вас.

Улыбка не сходила с лица Му Цинфэна.

— О, — он замер, чуть не забыв свои реплики. — Эта мелодия должна звучать только на небесах, как же она попала в мир человеческий? Осмелюсь спросить, кто вы такой, что обладаете таким мастерством? Я восхищён.

Гу Шаобай смотрел на него, оцепенев. Эта сцена, которую он много раз прокручивал в памяти прошлой и нынешней жизни, теперь, при повторении, вызвала бурю в груди. Но на этот раз он не мог следовать сценарию противника.

Он усмехнулся, даже не утруждая себя вежливостью:

— Напрасно. Гу Шаобай.

Му Цинфэн сделал вид, что удивлён:

— Так это вы! Кто же ещё мог сыграть так мастерски, если не знаменитый на весь Цзинлин господин Гу? Не зря древние говорили, что «звук музыки обвивает балки и не стихает три дня». Разве это не тот самый случай?

В сердце Гу Шаобая разлилась горечь. Действительно. Только что он специально сыграл с ошибками в нескольких местах, но Му Цинфэн даже не заметил. Видимо, в музыке он действительно был не силён, как и говорил Мо Жань. Он, вероятно, с трудом узнал, что это была «Чанцин». А все эти похвалы, скорее всего, были подготовлены заранее.

Гу Шаобай холодно смотрел на него. Следующей фразой должно было быть предложение познакомиться поближе.

<http://bllate.org/book/16730/1538531>